

Сомерсет Моэм и Россия

За рубежом. — 1999 — 19-25 авг. (№ 32).

Борис ПАРАМОНОВ,
Радио "Либерти", Прага

В этом году исполнилось 125 лет со дня рождения Уильяма Сомерсета Моэма. Он был, среди прочего, очень интересно связан с Россией. Моэм сам рассказал, какого рода была эта связь, — о своем визите в Россию летом 1917 года. Во время первой мировой войны он был мобилизован в британскую секретную службу. Статус известного писателя был великолепной, как теперь говорят, крышей для такого рода деятельности: писатель не привлекает ничего беспокойства, если интересуется делами чужой страны, — всегда можно сказать, что он собирает материал для грядущих творений. Этот сюжет содержится в автобиографической книге Моэма "Подводка итогов", вышедшей в СССР, помнится, почти сразу же после Сталина:

"Меня направили с секретной миссией в Петроград. Я не мог упустить случая пожить и, как предполагалось, довольно долго в стране Толстого, Достоевского и Чехова. ... Я бодро пустился в путь, имея в своем распоряжении средогра-

нические средства и четырех верных чехов для связи с профессором Масариком, направлявшим деятельность около шестидесяти тысяч своих соотечественников в разных концах России. Ответственный характер моей миссии приятно волновал меня. Я ехал как частный агент, которого Англия в случае чего могла дезавуировать, с инструкциями — связаться с враждебными правительству элементами и разработать план, как предотвратить выход России из войны и не дать большевиками при поддержке центральных держав захватить власть. Едва ли нужно сообщать читателю, что миссия моя окончилась полным провалом, и я не прошу мне верить, что, если бы меня послали в Россию на полгода раньше, я бы, может быть, имел шансы добиться успеха. Через три месяца после моего приезда в Петроград грянул гром, и все мои планы пошли прахом.

Чехи, то есть чехословацкий корпус, сформированный из военнопленных и перебежчиков, не желавших воевать на стороне Австро-Венгрии, как известно, в конце концов восстал

против большевиков — но не тогда и не там, где надо".

А вот более общие впечатления Моэма о России и русских — из той же книги:

"В России я пережил много интересного и довольно близко познакомился с одним из самых удивительных людей, которых мне доводилось встречать. Это был Борис Савинков, террорист, организовавший убийство Трепова и великого князя Сергея Александровича. Но уезжал я разочарованный. Бесконечные разговоры там, где требовалось действовать; колебания; апатия, ведущая прямым путем к катастрофе; напыщенные декларации, неискренность и вялость, которые я повсюду наблюдал, — все это оттолкнуло меня от России и русских".

Не очень лестный отзыв, конечно, но Моэму по всему, что мы о нем — и о России — знаем, верить можно. Моэм был очень трезвый человек; иногда ка-

жется, что слишком трезвый для писателя. Человек без иллюзий — так скажем. Интересен его отзыв о Керенском: он больше похож на Сен-Жюста, чем на Бонапарта. Я бы

сказал, что и на Сен-Жюста Керенский не очень был похож, ибо первый по крайней мере не колебался рубить головы своим политическим противникам. Мы вернемся к этой теме — жизненная позиция Моэма и отношение ее к писательству, — но пока что интересно будет привести еще одно суждение Моэма о русских — в связи с творчеством Чехова:

"Мне не повезло в том смысле, что я всерьез взялся за жанр рассказа, когда лучшие писатели Англии и Америки подпали под влияние Чехова. ... Несколько писателей создали себе имя тем, что пересаживали русскую тоску, русский мистицизм, русскую никчемность, русское отчаяние, русскую беспомощность, русское безволие на почву Суррея или Мичигана, Бруклина или Клепема. ... Чехов превосходно писал рассказы, но талант его не был универсален, и он благоразумно держался в пределах своих возможностей. Он не умел построить сжатую драматическую новеллу, из тех, что можно с успехом рассказать за обедом... Он видел жизнь в одном цвете".

Во время первой мировой войны Моэм был направлен в Россию в качестве разведчика.